

УДК 1(091)(436)
ББК 87.3(4Авс)
В54

Серия «Эксклюзивная классика»

Ludwig Wittgenstein

PHILOSOPHICAL INVESTIGATIONS

Перевод с немецкого *Л. Добросельского*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Печатается с разрешения John Wiley
& Sons International Rights, Inc (США)
при содействии литературного агентства
Александра Корженевского (Россия).

Витгенштейн, Людвиг.

В54 **Философские исследования / Людвиг Витгенштейн ; [пер. с нем. Л. Добросельского]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 384 с. — (Эксклюзивная классика).**

ISBN 978-5-17-115096-9

«Своим сочинением я не стремился избавить других от усилий мысли. Мне хотелось иного: побудить кого-нибудь, если это возможно, к самостоятельному мышлению» — так точно, емко и просто сформулировал свое кредо ученого Людвиг Витгенштейн в предисловии к «Философским исследованиям» — работе, оказавшей огромное влияние как на аналитическую философию, так и на философию постмодернизма.

В ней он попытался развить идеи, изложенные им в «Логико-философском трактате», и вновь избрал объектом своего изучения язык — обывденный язык повседневного общения. Описывая различные стратегии «языковой игры», которые все мы, сознательно или нет, используем, пытаюсь в чем-то убедить собеседника или воздействовать на него, добиться какой-либо цели или просто выразить свои мысли и чувства, он анализирует эту игру и пытается понять ее логику. Но, парадоксальный во многих своих утверждениях, Витгенштейн и здесь остается верен себе. Ведь если, по Витгенштейну, критерий смысла — всегда и только логика, то каков смысл языка, учитывая, что большая часть произносимого человеком в той или иной степени противоречит законам логики?

УДК 1(091)(436)
ББК 87.3(4Авс)

© Basil Blackwell Ltd, 1953, 1958

© Blackwell Publishing Ltd, 2001

Blackwell Publishing Ltd was acquired by John
Wiley & Sons in February 2007

ISBN 978-5-17-115096-9

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

ЯЗЫК ИГРАЕТ ЧЕЛОВЕКОМ, ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ ВИТГЕНШТЕЙНА

«Я мыслю, следовательно, существую».

Понадобилось несколько столетий, на протяжении которых европейские философы, вдохновленные знаменитой максимой Декарта, изучали сознание, разум, рацию, чтобы родилась новая формулировка, предложившая иную парадигму вместо обветшавшей картезианской.

«Я говорю, следовательно, существую».

Низвержение с высот, грубая проза, сугубая прагматика... Впрочем, таковой, после засилья средневековой схоластики, наверняка воспринималась и максима Декарта. Новая эпоха, новая культура, уже осемененная позитивизмом, фрейдизмом и начатками структурализма, требовала новой методологии. И наиболее остро эту потребность эпохи ощутил Людвиг Витгенштейн.

Правда, «Логико-философский трактат», при всей его «логичности» в структуре и семантике, еще тяготел к прежнему, классическому мировоззрению: в конце концов, идеальный язык науки, о котором столько говорилось в «Трактате», отвергая всякую метафизику, все же представлял собой «трансцендентальную семантику», метафизический метод, восходящий, так или иначе, к философским идеям Нового времени. Минуло почти тридцать лет после публикации «Трактата» — лет, наполненных размышлениями

и вместивших в себя преподавание в сельской школе, скитания по Европе, общение с членами Венского кружка, возвращение в Кембридж и чтение лекций студентам, работу санитаром в годы Второй мировой («в эту пору философии нет места, она бессмысленна и позорна»), — прежде чем Витгенштейн согласился опубликовать свою «зрелую» методологию, во многом не то чтобы противоречившую идеям «Трактата» или их опровергавшую, но прояснявшую, развивавшую и расширявшую положения «ЛФТ». Именно в этой «зрелой» методологии были заложены основы так называемой лингвистической революции, или лингвистического поворота, в философии, а метафизика во всех ее проявлениях утратила право на существование: «Значение есть употребление».

Философские воззрения Витгенштейна принято разделять на «ранний» и «поздний» периоды; первый, как считается, нашел свое воплощение в «Логико-философском трактате», ко второму же относятся «Философские исследования» (частично подготовленные к печати самим автором) и опубликованные посмертно, а также «Голубая книга» и «Коричневая книга» (записи лекций в Кембридже) и статьи. На самом деле принципиальное различие между этими периодами всего одно: если в «Трактате» Витгенштейн уповал как на панацею на некий идеальный, логически безупречный язык науки, способный устранить все возможные двусмысленности и непонятности, то позднее он рассуждал уже о языке естественном, повседневном, если угодно, бытовом. Столь важное для лингвистической философии понятие «языковой игры» относится именно к естественному языку — в идеальном языке науки подобное невозможно.

Что такое языковая игра? Если в «Трактате», по большому счету, рассматривались исключительно изъявительные предложения («Нечто имеет место») и для них возможно вывести некую общую форму, то в поздних работах Витгенштейн наконец-то обратил внимание на следующее: основной корпус повседневного языка составляют не сообщения, что нечто имеет место, а просьбы, пожелания, вопросы, восклицания, приказы и т. д. Эти языковые ситуации и связанный с ними бытийный контекст он и назвал играми.

Здесь поневоле вспоминаются бессмертное «Что наша жизнь? — Игра» и самое, пожалуй, известное исследование игр как основы человеческой жизнедеятельности — «Homo Ludens» Й. Хейзинги. В предисловии к своей работе Хейзинга писал: «Есть одна старая мысль, свидетельствующая, что если продумать до конца все, что мы знаем о человеческом поведении, оно покажется нам всего лишь игрою. Тому, кто удовлетворится этим метафизическим утверждением, нет нужды читать эту книгу. По мне же, оно не дает никаких оснований уклониться от попыток различать игру как особый фактор во всем, что есть в этом мире. С давних пор я все более определенно шел к убеждению, что человеческая культура возникает и развивается в игре, как игра»*. Словно отвечая, Витгенштейн в «Философских исследованиях» пишет: «Я также назову языковой игрой целое, включающее язык и действия, с которыми он переплетен... Здесь термин «языковая игра» призван выразить то обстоятельство, что говорить на языке означает действовать, то есть форму жизни».

* Хейзинга Й. Homo Ludens. М.: Прогресс, 1992. Перевод с нидерландского В. Ошиса.

Концепции «жизнь как игра» и «язык как игра» оказали сильнейшее воздействие на философию и гуманитарные исследования XX столетия (и продолжают плодоносить в новом веке). Применительно к изучению языка в числе «наследниц» методологии Витгенштейна прежде всего следует упомянуть теорию речевых актов, основоположником которой был профессор из Оксфорда Дж. Остин; книга Остина, излагавшая эту теорию, называлась «Как делать что-либо при помощи слов». По Остину, в языке существует ряд глаголов, перформативных глаголов, которые сами суть реальность: «Объявляю вас мужем и женой» — эта фраза не просто сообщает о факте, она и есть этот факт, поскольку говорящий одновременно говорит и делает, осуществляет это событие. Очевидно, что речевые акты являются разновидностью языковых игр; итогом развития этой теории стала так называемая перформативная гипотеза: она утверждает, что все глаголы языка перформативны, а любое высказывание представляет собой речевой акт, то есть языковую игру. Как справедливо замечает В. П. Руднев, «если перформативная гипотеза верна, это равносильно тому, что вся реальность поглощается языком и деление на предложение и описываемое им положение дел вообще не имеет никакого смысла»*.

Иными словами, вполне можно считать, пока не доказано обратное, что мы живем в реальности языковых игр, в самой языковой игре, иначе — в реальности Витгенштейна.

Л. Добросельский

* Руднев В. Теория речевых актов // Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997.

**ФИЛОСОФСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Перевод и примечания Л. Добросельского

ОТ РЕДАКТОРОВ ДВУЯЗЫЧНОГО НЕМЕЦКО-АНГЛИЙСКОГО ИЗДАНИЯ 1958 г.

Тот фрагмент текста, который обозначен ныне как часть 1, был закончен автором к 1945 году. Часть 2 была написана между 1947 и 1949 годами. Если бы Витгенштейн опубликовал свою работу самостоятельно, он наверняка сократил бы многое из того, что содержится на последних тридцати страницах части 1, и переработал бы часть 2, расположив материал в соответствии с замыслом.

Нам пришлось принимать решения касательно вариантов слов и фраз на всем протяжении рукописи. Но выбор ни разу не затрагивал смысл.

В тексте присутствуют «вкрапления», представляющие собой цитаты из других произведений Витгенштейна, которыми автор дополнял рукопись, не указывая, к какому именно пункту они относятся.

Слова в двойных скобках — авторские отсылки к параграфам настоящего текста или к другим работам Витгенштейна.

Последний фрагмент части 2 помещен на свое место исключительно по нашему решению. Комментарии редакторов приводятся в квадратных скобках.

*Г. Э. М. Энскомб * *, Р. Риз**

* Звездочкой (*) обозначены редакционные примечания, которые можно найти в соответствующем разделе книги. — *Примеч. ред.*

«Ueberhaupt hat der Fortschritt das an sich, dass er viel groesser aussieht, als er wirklich ist»*.

*Нестрой**

* Переводы выражений, отмеченных *, см. в разделе «Примечания». Далее все подстрочные примечания являются авторскими. — *Примеч. ред.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мысли, которые я публикую ниже, суть итог философских размышлений, занимавших меня минувшие шестнадцать лет. Они касаются многих предметов: понятий значения, понимания, суждения, логики, оснований математики, состояний сознания и прочего. Я записывал эти мысли как замечания, короткими абзацами, из которых иногда выстраивались довольно длинные цепочки, посвященные конкретной теме, а порой налицо внезапные изменения и резкие переходы к другим темам. Моим намерением изначально было собрать мысли воедино в книге, форму которой я представлял по-разному в разное время. Но важна не форма, а тот факт, что мысли должны переходить от предмета к предмету в естественном порядке и последовательно.

После нескольких неудачных попыток объединить итог размышлений в целое я понял, что никогда не добьюсь успеха. Мне никогда не написать что-либо лучше философских замечаний; мои мысли быстро теряют нить, если пытаться сосредоточиться на каком-то единственном предмете, вопреки есте-

ственным предпочтениям. И это, конечно, связано с самой природой исследований. Ведь последняя заставляет нас блуждать по просторам мышления во всех направлениях и крест-накрест. Философские замечания в этой книге суть считанное число набросков, сделанных мною во время этих долгих и путаных блужданий.

К одним и тем же или почти тем же предметам я подходил с разных направлений — и всегда делал новые наброски. Очень многие из них были весьма небрежными и скудными на подробности, со всеми недостатками, присущими эскизам дурного рисовальщика. Но когда от них избавились, осталось некоторое количество приемлемых, каковые теперь следовало расположить в порядке, иногда сокращая, чтобы при взгляде на них вам явился бы ландшафт. То есть на самом деле эта книга — лишь художественный альбом.

До совсем недавнего времени я отказывался от идеи опубликовать свою работу при жизни. Признаться, идея публикации раз за разом возрождалась, главным образом потому, что мне становилось известно: плоды моих размышлений (которыми я делился в лекциях, рукописях и дискуссиях), так или иначе неправильно понятые, тем или иным образом извращенные или разбавленные, получили широкое распространение. Это уязвляло мою гордость, и успокоить ее было отнюдь не просто.

Четыре года назад мне представилась возможность перечитать мою первую книгу («Логико-фило-

софский трактат») и объяснить его основные идеи. И внезапно мне подумалось, что я должен опубликовать старые и новые мысли вместе: последние могут быть восприняты верно только по контрасту с моим прежним образом мышления и на его фоне. [Предполагалось, что эта публикация состоится на немецком языке.]

Начав заново заниматься философией шестнадцать лет назад, я был вынужден признать серьезные ошибки, допущенные мною в моей первой книге. Мне помогла осознать эти ошибки — до степени, какой я бы сам едва ли достиг, — критика, которой мои идеи подверглись со стороны Фрэнка Рамсея*, с кем я обсуждал их в бесчисленных беседах в последние два года его жизни. И даже больше, нежели этой — всегда неоспоримой и решительной — критике, я обязан тому, что преподаватель этого университета, г-н П. Страффа*, много лет неустанно внушал, оттачивая мои мысли. Этому стимулу я обязан наиболее последовательными рассуждениями данной книги.

Более чем по одной причине публикуемое мною будет иметь точки соприкосновения с тем, что пишут сегодня другие. Если мои замечания не выделяются неким характерным образом именно как мои, я не собираюсь притязать на них как на свою собственность.

Я обнародую их с двойственными чувствами. Не исключено, что этой работе выпадет жребий в наши скудные и темные времена пролить свет в чье-либо сознание, — но, конечно, это маловероятно.

Мне не понравится, если мои размышления избавят других людей от стремления думать. Если возможно, пусть они стимулируют других к их собственным мыслям.

Я был бы рад опубликовать хорошую книгу. Эта таковой не является, и время, когда ее можно было бы улучшить, прошло.

Кембридж, январь 1945 года

ЧАСТЬ 1